

— Пусть он и не принадлежит к нашей горе Юньцзянь — некоторые поступки недопустимы ни при каких обстоятельствах. — В глазах Чу Ханьюэ Цинь Фэн оставался неразумным ребёнком. Ходить по злачным заведениям — немыслимо. И когда вырастет — тоже не позволит.

— Намерен идти один? — Лянь Гуанмань нахмурился. — Если отправишься в одиночку и что-то случится, некому будет вернуться и сообщить.

— Возьму его с собой. — Чу Ханьюэ сложил письмо. — Рано или поздно ему придётся покинуть Юньцзянь. Пусть посмотрит, как живут люди внизу — это поможет подготовиться к тому, что ждёт впереди.

— Хорошо. — Лянь Гуанмань кивнул. — Возвращайтесь поскорее. Гора держится на тебе, старший брат. Без тебя я ни с чем не справляюсь, ничего не выходит так, как надо. Настоящим главой должен быть ты, не я.

— Ты прекрасно справляешься, — мягко возразил Чу Ханьюэ. — Незачем корить себя.

Проводив гостя, он отправился посмотреть, как Цинь Фэн осваивает полёт на мече. За это время тот заметно продвинулся — держался куда увереннее, чем раньше.

— Наставник, видите, как я ловко управляюсь? Завтра научите меня чему-нибудь новому! — Цинь Фэн давно понял: перед Чу Ханьюэ можно притворяться слабым, но не глупым. Наставник терпеть не мог бестолковых — раз-другой мог смолчать, но при повторении просто выставил бы его за дверь.

— Завтра спустишься со мной с горы. Приготовься. — Чу Ханьюэ развернулся и направился прочь.

— Наставник, куда мы идём? Что будем делать? — поспешил следом Цинь Фэн.

— Поможем одному духу избавиться от накопленной обиды. Заодно покажу тебе, что творится у подножия горы. — Чу Ханьюэ не стал говорить ему о главном — что хочет помочь ему привыкнуть к жизни среди людей. Слова точно не шли с языка: казалось, стоит произнести это вслух — и разлука тут же станет неизбежной.

— Посмотрим на жизнь внизу? — переспросил Цинь Фэн. — А ещё кто-то пойдёт с нами?

— Только мы двое.

Чу Ханьюэ вспомнил, куда именно лежит их путь, и предупредил:

— Спустившись с горы, во всём слушайся меня. Никакой самостоятельности.

Цинь Фэн опешил. Они вдвоём — и больше никого. Да ещё Чу Ханьюэ требует полного послушания, запрещает действовать самостоятельно. Это что же — он намеренно берёт только его, чтобы побыть наедине? На горе любые вольности были бы замечены. Внизу — совсем другое дело.

Вспоминая, с какой заботой Чу Ханьюэ относился к нему в последнее время, Цинь Фэн почти не сомневался: именно за этим тот и ведёт его. Что ж, раз уж так выходит — придётся покориться. В снах Чу Ханьюэ и говорить «нет» не умел, но наяву ни разу не проявлял инициативы...

Задумавшись, он не заметил, как налетел прямо на спину наставника. Тот обернулся — и наткнулся взглядом на донельзя довольную физиономию.

— Ты уже знаешь, куда мы направляемся?

— А? Нет, откуда. — Цинь Фэн поспешно стёр ухмылку. — Просто так спросил, наставник.

Чу Ханьюэ покачал головой — видно, сам нафантазировал лишнего.

— Куда бы мы ни шли, держи при себе мысли, которым там не место.

Цинь Фэн почесал затылок. Судя по такому предупреждению, пункт назначения и впрямь был не из обычных. Чу Ханьюэ молчал — но, похоже, не потому что не хотел говорить, а потому что не мог заставить себя произнести это вслух. Цинь Фэн расспрашивать не стал: ответ в голове уже сложился.

На обратном пути они столкнулись с Чёрной змеей. Завидев его, Чу Ханьюэ вспомнил кое-что важное, хлопнул того по плечу и коротко бросил:

— Зайди ко мне.

Чёрная змея растерянно покосился сначала на Цинь Фэна, потом снова на Чу Ханьюэ — хотел было спросить, зачем, но тот уже ушёл вперёд. Пришлось поспешить следом.

Цинь Фэн озадачился не меньше Чёрной змеи.

Наставник, зачем вам ещё и змея?

Накануне вечером Цинь Фэн рассказал ему об идее — как помочь детям внутри него научиться контролировать поглощение божественной силы, — но они оба... отвлеклись, и подробностей Чу Ханьюэ так и не узнал. Зато сегодня с утра тело наполняла непривычная, почти осязаемая мощь. А теперь, увидев Чёрную змею, он вспомнил: в хвосте у того до сих пор дремлют яйца паразитов. Когда-то их уничтожила божественная сила Бессмертного почтенного — но теперь этой силой обладал и он сам. Почему бы не попробовать?

Чу Ханьюэ усадил Чёрную змею на скамью и велел обнажить хвост.

Тот не понял, что задумано, но выполнил — выпустил хвост и небрежно забросил его на колени Чу Ханьюэ. Потом с видом знатока бросил взгляд на Цинь Фэна и промурлыкал:

— Маленький господин, у меня невероятно нежный хвост — я сам каждую ночь обнимаю его, засыпая. Хотите потрогать?

Не успело у него вырваться последнее слово, как в животе вспыхнула такая боль, что он мгновенно скорчился и послал Цинь Фэну умоляющий взгляд. Хвост стремительно убрал с чужих колен.

Чу Ханьюэ ничего не заметил. Он уже держал хвост в руках и внимательно осматривал яйца паразитов — с прошлого раза те выглядели точно так же.

— Они так и не изменились?

Чёрная змея, всё ещё страдая от боли в животе, понуро кивнул.

— Не шевелятся с тех самых пор. Наверное, давно мертвы.

Чу Ханьюэ сосредоточился и собрал крупицу силы на кончике пальца — самую малость, на первый раз.

Цинь Фэн наблюдал и всё понял. Паразитов в хвосте Чёрной змеи давно не существовало — он сам их уничтожил, оставив вместо них иллюзию. Сколько бы божественной силы Чу Ханьюэ ни потратил, прогнать призраки было невозможно. Но раз уж наставник сам захотел помочь — незачем городить объяснения. Достаточно убрать иллюзию в тот самый миг, когда Чу Ханьюэ применит силу.

Тот коснулся хвоста — едва-едва, самым кончиком пальца. Паразиты исчезли мгновенно. Чу Ханьюэ потрясённо уставился на собственную руку: такая крохотная доля силы — и проблема, с которой не могла справиться вся гора Юньцзянь, испарилась без следа. Мощь богов была воистину недостижима для смертных.

Всё это время он привычно покрикивал на Бессмертного почтенного, а тот никогда не давал

сдачи. Порой ещё и притворялся, что ему больно, и капризничал — и в такие минуты Чу Ханьюэ совершенно забывал, что перед ним стоит существо несравнимой силы.

Ночью Цинь Фэн в сон не явился.

Каждый вечер они встречались там — привычно, как возвращаешься домой после долгого дня к любимому человеку. Но этой ночью ничего не было. Чу Ханьюэ ощутил непривычную пустоту.

Он отправился в их с Цинь Фэном домик — то место в пространстве сна, что принадлежало только им двоим. Когда-то здесь была просто увеличенная копия его собственной комнаты. Но потом Бессмертный почтенный принялся каждый день приносить какие-то детские игрушки — и просторное жильё постепенно заполнилось до тесноты.

Чу Ханьюэ провёл пальцами по рогатке, деревянному мечику, маленькой деревянной лошадке — всё это было сделано руками Цинь Фэна. Уголки губ сами собой поползли вверх. На словах тот всегда ворчал на детей, всячески показывал, что они ему в тягость, — а сам мастерил им игрушки, в каждой из которых чувствовалось нетерпеливое ожидание.

Чу Ханьюэ бережно коснулся живота. Дети шевельнулись — словно здоровались.

Они будут нежными, — подумал он. Пусть порой бурными в своих порывах — но лишь потому, что защищают его. Первый страх давно растворился, уступив место тихому, тёплому ожиданию.

Подняв голову, он посмотрел на луну в окне и тихо произнёс:

— Сегодня так и не придёшь?

И тут в ухе что-то кольнуло — острый, сводящий с ума зуд. Чу Ханьюэ согнулся, зажав ухо ладонью. Сквозь ощущение пробился голос — тихий, будто исходящий из самой глубины:

«Ты ведь знаешь, почему он не пришёл. Он сейчас с другим. Наскучил ты ему, а сам всё ещё ждёшь, дурачок...»

Чу Ханьюэ бил себя по уху ладонью — зуд не унимался. Голос был знакомым, он был в этом уверен: уже звучал прежде. Но что именно говорил тогда — никак не вспомнить.

Зуд нарастал, невыносимый, — поддеть ногтём не выходило. В конце концов он просто проснулся от этого ощущения.

Снаружи ещё стояла темень. Чу Ханьюэ похлопал себя по уху, потом потянулся за бумагой и тушью: нужно записать — и про зуд, и про голос, и про слова. Иначе снова забудет — как уже было.

Цинь Фэн не пошёл в сон накануне намеренно — чтобы не сбить завтрашний день. Но когда утром увидел Чу Ханьюэ с тёмными кругами под глазами и почти потухшим взглядом, что-то мимолётное мелькнуло в груди.

Неужели так соскучился за одну ночь?

Эта мысль согрела — но тут же Чу Ханьюэ бросил ему: лети сам на мече, следуй за мной. Цинь Фэн пристроился рядом и жалобно заглянул ему в лицо:

— Наставник, я ещё не очень уверенно держусь. Лучше бы вы меня взяли.

— Вчера у тебя всё выходило прекрасно.

В голосе Чу Ханьюэ не было тепла — что-то тяготило его, и это чувствовалось.

— Но путь долгий, — не сдавался Цинь Фэн. — Я боюсь упасть на полдороге.

Чу Ханьюэ не удостоил его ответом. Бросил сухо: «Отличная возможность потренироваться. Не отставай» — и ушёл вперёд.

Они добрались до небольшого городка у южного склона горы Юньцзянь — Наньчэна, названного прямо в честь горы. Местные, кажется, знали в лицо каждого, кто спускался с неё: завидев Чу Ханьюэ и Цинь Фэна, горожане оживлённо здоровались, кто-то махал рукой, кто-то окликал. Цинь Фэн честно кивал каждому — к концу улицы скулы у него свело. Чу Ханьюэ же не удостоил вниманием ни одного человека: шёл сквозь толпу как сквозь пустоту — холодный, отстранённый, точно обёрнутый в невидимый лёд.

Он вёл Цинь Фэна прямо к цели — самому большому терему в Наньчэне.

— «Терем Ветра и Луны»? — Цинь Фэн с усмешкой прочитал вывеску. — Прямо в лоб, ничего лишнего.

Чу Ханьюэ смерил его взглядом.

— Разбираешься, судя по всему. Бывал в таких местах прежде?

— Наставник! — Цинь Фэн замахал руками. — Я был нищим побродяжкой. Откуда мне знать такие места изнутри.

— Убери лишние мысли, — предупредил Чу Ханьюэ. — Не то оставлю здесь.

— В каком качестве? — Цинь Фэн для наглядности ткнул пальцем себе в щеку. — Главной красавицей?

Тут из дверей вышла женщина — лет пятидесяти, но всё ещё полная стати и обаяния. Наряд её мог поспорить разве что с гардеробом Чёрной змеи: яркие, кричащие цвета, живые цветы повсюду — где только держались.

При виде Чу Ханьюэ глаза у неё зашипало. Она едва не кинулась к нему.

— Маленький господин, наконец-то! Ещё немного — и моё заведение бы рухнуло!

Чу Ханьюэ вырвал руку, которую она успела схватить, — ноздри у него раздулись от волны приторных духов.

— Где дух?

Лаобао нисколько не обиделась. Ткнула рукой в сторону заднего двора:

— Идёмте, покажу. Он там, за домом. Недавно всё тут переполошил — многих постояльцев до смерти напугал. Хорошо, что один даос успел его запечатать, иначе совсем беда. Только сил у него хватило лишь на половину — дух живёт, воеет каждый день, вся округа на нервах. Клиенты не идут. Вот и пришлось к Юньцзянь обращаться.

Едва она замолчала, как со стороны заднего двора донёсся пронзительный женский плач.

Чу Ханьюэ ускорил шаг. Навстречу потянуло холодным ветром — странным для ясного полудня: солнце жгло нещадно, а двор накрывала давящая, почти осязаемая тьма.

— Вон та комната. — Лаобао указала на одну из клетушек, где обычно ютилась прислуга.

Чу Ханьюэ остановился на пороге — ещё не войдя, уже чувствовал оттуда злую, плотную ауру. Но ни капли крови к ней не примешивалось. Настолько мощный злобный дух — и при этом ни одной жертвы?

<http://bllate.org/book/17570/1662866>